

РИЖСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Подписная цѣна: въ Ригѣ безъ доставки (на мѣстахъ выдачи): за годъ — 12 руб., за 6 мѣсяцевъ — 6 руб., за 3 мѣсяца — 3 руб., за 1 мѣсяць — 1 руб. 25 коп.

Съ доставкою на домъ или иногороднымъ подписчикамъ за годъ — 15 руб., за 6 мѣсяцевъ — 7 руб. 50 коп., за 3 мѣсяца — 3 руб. 75 коп., за 1 мѣсяць — 1 руб. 50 коп. (начиная съ 1 числа).

За границу: за годъ — 23 руб., за 6 мѣсяцевъ — 11 руб. 50 коп., за 3 мѣсяца — 5 руб. 75 коп., за 1 мѣсяць — 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго номера: 7 коп.

2-ой годъ изданія.

„Рижское Обозрѣніе“ выходитъ ежедневно вечеромъ, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Адресъ редакціи и конторы: Рига, Домская площадь 7/9.

Адресъ для телеграммъ: Обозрѣніе-Рига. Почтовый ящикъ: 496.

Телефонъ конторы (объявленія и подписка): 157.

Телефоны редакціи: 19-58 и 29-28.

Цѣна объявленій: позади текста — 20 коп. за строку петита или за мѣсто занимаемое ею; впереди текста — 60 коп. за строку петита или мѣсто занимаемое ею; въ отдѣлѣ рекламъ (внизу столбцовъ текста) — 50 коп. за строку петита или мѣсто занимаемое ею.

Подписчики пользуются льготами при помѣщеніи объявленій.

Рукописи не возвращаются.

Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій ихъ напечатанія, признаются не подлежащими оплатѣ.

Редакція для личныхъ объясненій открыта ежедневно отъ 11 до 1 час. дня, кромѣ праздниковъ. — Контора открыта отъ 8 до 7 час. веч.

№ 76

Четвергъ, 31 марта 1916 г.

№ 76

Прогулка съ Конанъ-Дойлемъ.

Гр. Ал. Н. Толстой, одинъ изъ русскихъ журналистовъ, гостящихъ въ настоящее время въ Англій, такъ описываетъ въ „Рус. Вѣдом.“ свои впечатлѣнія отъ встрѣчи съ знаменитымъ творцомъ „Шерлока Холмса“.

На одномъ изъ банкетовъ рядомъ со мной сидѣлъ высокій плечистый человекъ, съ большимъ ртомъ, полнымъ крѣпкихъ зубовъ, съ закрученными въ стрѣлку усами и добродушнымъ взглядомъ свѣтлыхъ глазъ. Влѣзко нагнувшись ко мнѣ, онъ на невѣроятномъ французскомъ языкѣ обѣщалъ зайти на слѣдующій день въ десять минутъ одиннадцатаго въ гостиницу, чтобы со мной и Чуковскимъ сдѣлать часовую прогулку по Лондону. Это былъ Конанъ-Дойль, когда-то незамѣтный врачъ, пописывавшій разказы, теперь ставшій сѣромъ Артуромъ въ исторію бурской войны.

Утро было мало пригодное для прогулокъ. Валила съ неба какая-то невѣроятная гадость цѣль родѣ снѣга; по Темзѣ скользили въ желтоватомъ туманѣ тѣни баржей и пароходовъ. Голубоватая арка и линія мостовъ пропадали во мглѣ, гдѣ на томъ берегу едва были различимы готическіе верхи зданій; на деревьяхъ по широкой набережной, куда выходило мое окно, на верхахъ автомобилей и трамваевъ, на зонтикахъ и шляпахъ прохожихъ, — повсюду лежалъ снѣгъ, онъ залѣпилъ съ одной стороны иглу Клеопатры, и получался пейзажъ, мало знакомый англичанамъ.

Точно, въ назначенный часъ, Конанъ-Дойль позвонилъ по телефону изъ вестибюля, и мы втроемъ, выйдя на улицу, свернули къ рѣкѣ. Тамъ въ узкомъ переулкѣ онъ указалъ на почернѣвшій отъ времени кирпичный домъ, гдѣ во второмъ этажѣ жилъ когда-то Петръ Великій, а на набережной, на мѣстѣ теперешней каменной бесѣдки, стояла въ то время его лодочка. Въ наводненіе вода доходила до самого

парапета; Петръ Великій садился тогда въ лодочку и плавалъ. Мы съ Чуковскимъ повѣрили объ этомъ на слово сѣру Артуру.

Затѣмъ намъ было показано огромное, прокоченное зданіе военнаго министерства, гдѣ окна подваловъ и перваго этажа прикрыты желѣзными сѣтками отъ воздушныхъ бомбъ. Мы зашли въ гвардейскія казармы, выходящія въ просторное поле Сентъ-Джемскаго парка; въ воротахъ стоялъ рослый солдатъ съ обнаженной шпагой, въ шлемѣ и красномъ плащѣ. У другихъ казармъ въ глубокой нишѣ сидѣлъ на конѣ другой часовой, какъ памятникъ, одѣтый въ латы, неподвижно и величественно.

По пути Конанъ-Дойль говорилъ о войнѣ, объяснялъ формы встрѣчныхъ офицеровъ, вытаскивалъ изъ кармана какія-то записочки. По его словамъ, въ 1914 году въ Англій было всего 600 тысячъ войскъ. Сейчасъ на всѣхъ фронтахъ, въ маршевыхъ ротахъ и запасныхъ батальонахъ — милліоны и столько же рекрутовъ. Онъ самъ носить рекрутскій значекъ, а его сынъ дерется во Франціи солдатомъ.

Хлопая по снѣгу, прикрывшись отъ дождя воротниками, мы шли къ Вестминстерскому аббатству. Невѣроятно было предположить, что этотъ добродушный человекъ въ синемъ пальто, съ обмотанной коричневымъ шарфомъ бычачьей шеей, въ котелкѣ и съ зонтомъ, знаетъ, какъ по цвѣту сигарнаго пепла раскрыть таинственное преступленіе. Услышавъ имя Шерлока Холмса, онъ обернулся и, показавъ всѣ свои крѣпчайшіе зубы, проговорилъ: „Однажды я пошелъ въ Бекеръ-Стритъ посмотрѣть, кто живетъ въ 87 номерѣ (квартира Шерлока Холмса и доктора Ватсона). Оказалось, тамъ — фотографія“. Это былъ единственный литературный разговоръ за всю прогулку.

Мы зашли въ Вестминстерское аббатство. Была служба: молились женщины и солдаты, касаясь лбами Евангелій, иные, закрывъ руками лицо. Налѣво въ дубовыхъ ни-

шахъ неподвижно сидѣли бѣлыя фигуры священниковъ. Пѣли дѣтскіе голоса. Высоко подъ готическими коричневато-сѣрыми сводами, опирающимися на мощныя колонны, тусклый свѣтъ дня лился свозъ силуэты и цвѣтныя стекла розы, — круглаго окна. Заигралъ органъ, медленные его звуки наполнили всѣ арки, ниши и дуги храма, и я увидѣлъ, что колоннады уходятъ безконечно далеко вправо и влево, и храмъ полонъ народа. Казалось, не одной человѣческой силой сложена изъ камня и цемента эта величественная красота, но слишкомъ человѣческое и небольшое нужно усиліе (поворотъ руки, сбрасывающей бомбу съ цепелина), чтобы все это рухнуло въ одно мгновеніе...

„Англичане религіовны, но не слишкомъ: у насъ нѣтъ фанатиковъ, — сказалъ Конанъ-Дойль, выходя свозъ маленькую дверь на площадь, — а это мѣсто — очень памятное для меня и счастливое, — онъ указалъ на небольшую часовню, — здѣсь 18 лѣтъ тому назадъ я вѣнчался съ моей теперешней женой“. И мнѣ показалось, что какъ тверды и крѣпки его зубы, какъ тверды и крѣпки мысли и рѣшенія его, такъ же твердо полюбилъ онъ на всю жизнь, и хорошо и уютно имѣть другомъ такого человека. Какъ настоящій англичанинъ, онъ и простодушенъ, и твердъ. Онъ вѣритъ, что лодочка Петра стояла именно въ концѣ того переулка, и знаетъ, если Англія рѣшила выставить столько-то милліоновъ солдатъ, — именно такое-то число милліоновъ, а не меньше, будетъ сидѣть въ окопахъ.

Мимоходомъ онъ показалъ простой, кирпичный домикъ, гдѣ въ квартирѣ въ два окна жилъ лордъ Байронъ, и повезъ насъ на Флитъ-Стритъ, — улицу газетъ и журналистовъ.

На Флитъ-Стритъ мы расстались. Конанъ-Дойль, какъ медвѣдь, бокомъ прыгнувъ въ проходившій омнибусъ и свернувши долго еще махалъ намъ перчаткой, потомъ котелкомъ.